

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Пономарев

Диалоги Григория Великого и
легенды о загробной жизни в
средние века

Опубликовано:

Христианское чтение. 1878. № 3-4. С. 420-444.

© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА

Санкт-Петербург

2010

Діалоги Григорія Великаго и легенды о загробной жизни въ средніе вѣка.

Присущее человѣку стремленіе проникнуть въ таинственную область будущаго, разгадать то, что ожидаетъ человѣка на томъ свѣтѣ—стремленіе, замѣчаемое въ людяхъ на всѣхъ ступеняхъ ихъ культурнаго развитія, выразилось между прочимъ въ созданіи „легендъ-видѣній“ загробной жизни, поэтическихъ путешествій въ загробный міръ и т. д., которыя длиннымъ рядомъ проходятъ почти по всѣмъ литературамъ древняго и новаго міра. У грековъ отъ Гомера до Платона и Плутарха, у римлянъ въ эпоху Virgilіа, Овидія, Лукана, Стація и т. д., у евреевъ въ послѣдніе годы предъ Рожд. Хр. и въ первые вѣка христіанской эры—описанія загробныхъ странъ, описанія неба и ада, чередуясь съ мечтаніями о будущемъ, о золотомъ вѣкѣ, были однимъ изъ самыхъ обильныхъ и популярныхъ сюжетовъ въ поэзіи, въ искусствѣ и литературѣ. Но, не смотря на обиліе поэтическихъ легендъ о загробной жизни въ языческой и даже въ іудейской старинѣ, не смотря на то, что многія изъ нихъ были весьма популярны въ первые вѣка христіанства и обращались между христіанами, что между ними и христіанскими легендами замѣчается нѣкоторое сходство и въ послѣднихъ по мѣстамъ встрѣчаются заимствованія,—не смотря на все это, не подлежитъ сомнѣнію, что христіанская легенда въ своей основѣ возникла и развивалась на этотъ разъ вполне независимо. Христіанство создало новый міръ, дало новыя идеи и указало искусству и поэзіи новыя пути. Оно приподняло завѣсу, за которую ни умъ,

ни фантазія язычника не могли проникать, опредѣлило значеніе земной жизни, открыло человѣку его загробное будущее и даже указало на это будущее какъ на высшую цѣль земнаго существованія человѣка. За гробомъ ожидаетъ христіанина все, чего нѣтъ въ земной жизни, что для его вѣрующаго чувства является только „зеркаломъ въ гаданіи“,—за гробомъ онъ будетъ отвѣчать за все—за всѣ свои дѣла и помысленія, тайныя и явныя; тамъ—не въ туманной странѣ тѣней, какъ мыслилъ языческій міръ, а въ царствѣ духовъ, существъ высшихъ, совершеннѣйшихъ—наступить для него „настоящая“ жизнь, хотя условія для наслѣдія этой жизни здѣсь же, на землѣ—въ самомъ человѣкѣ, въ его моральномъ складѣ и разумно-нравственной дѣятельности. Эсхатологическая доктрина получала прочную религіозно-нравственную основу и неизбѣжно выступала на первый планъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и христіанская легенда о загробной жизни—эта религіозно-поэтическая эпопея загробной судьбы человѣка — получала для своего развитія прочную, вполне независимую основу. Прослѣдить ея судьбу въ теченіи вѣковъ—дѣло далеко не легкое. Въ настоящемъ случаѣ мы беремъ ее въ сравнительно поздній средневѣковой періодъ, притомъ преимущественно на западѣ. Для этого періода ея развитія важнѣйшимъ источникомъ послужили знаменитые „Діалоги“ Григорія Великаго, рассмотрѣнію которыхъ въ связи съ средневѣковыми легендами мы и посвящаемъ нашу статью.

I.

Діалоги Григорія Великаго (540—604), излагающіе въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ ученіе о безсмертіи души и жизни за гробомъ, имѣли въ средніе вѣка авторитетное и классическое значеніе, *тѣмъ болѣе* важное, что въ нихъ уже довольно ясно и точно высказана мысль о чистилищѣ (lib. IV, cap. 39; 57), и потому, если позднѣе католическимъ богословамъ когда либо приходилось защищать свое ученіе о чистилищѣ, то они обыкновенно всегда ссы-

лались на Григорія Великаго, ¹⁾ на его Діалоги. Для средневѣковыхъ легендъ особенную важность имѣла четвертая книга Діалоговъ, на которой прежде всего мы должны остановиться. Въ этой книгѣ Діалоговъ, касаясь различныхъ вопросовъ эсхатологическаго характера, Григорій Великій разрѣшаетъ ихъ на основаніи свидѣтельствъ и показаній людей, удостоившихся такимъ или инымъ путемъ общенія съ міромъ загробнымъ. Такимъ образомъ, описанія экстаза, видѣнія ²⁾, или рассказы о загробномъ странствованіи ³⁾ у него служатъ въ качествѣ непогрѣшимаго источника, представляющаго факты для подтвержденія отдѣльныхъ богословскихъ мыслей. При этомъ онъ излагаетъ двоякаго рода вопросы: одни, касающіеся перехода души въ вѣчность и другіе—ея загробнаго мѣстопробыванія и жизни: мы рассмотримъ эти вопросы и укажемъ древне-христіанскія представленія и средневѣковыя легенды, однородныя съ тѣми, какія у него встрѣчаются ⁴⁾.

Доказывая, во-первыхъ, что человѣкъ духовнымъ окомъ можетъ созерцать исходъ души и видѣть то, что бываетъ съ нею по разлученіи съ тѣломъ, Григорій Великій ссылается на блаженнаго Бенедикта, который, по словамъ его учениковъ, видѣлъ среди ночи, какъ душа Германа, епископа кануанскаго „восходила на небо въ огненномъ облакѣ и въ сопровожденіи ангеловъ“ ⁵⁾. Ученики того же Бенедикта рассказывали, что одинъ монахъ, по имени Григорій, неожиданно получилъ

¹⁾ Lau, Gregor der Grosse nach seinem Leben und seiner Lehre geschildert, Leip. 1845, стр. 317.

²⁾ «Видѣнія» встрѣчаются уже въ мученическихъ актахъ, но замѣчательный памятникъ древне христіанской литературы въ этомъ родѣ—«Пастыръ» Эрмы.

³⁾ Легендарно-апокрифическая литература первыхъ христіанскихъ вѣковъ богата такими рассказами, но важнѣйшій памятникъ въ этомъ родѣ—«Евангеліе Никодима», которое съ начала V-го вѣка пользовалось обширной популярностью на Западѣ, у церковныхъ писателей.

⁴⁾ Migne, Patrolog. series latin. tom. 77 col. 317—430; русскій пер. «Діалоговъ» св. Григорія былъ изданъ Казанскою Акад. въ 1858 г.

⁵⁾ Въ «Legenda Aurea» Іакова Воражинѣ (1230—1298)—въ сборникѣ, представляющемъ обширный сводъ средневѣковыхъ легендъ, наиболѣе популярныхъ въ средніе вѣка, этотъ рассказъ повторяется въ жизнеописаніи Benoît St. Martin'a: см. Legende dorée, trad. Brunet, tom. II pag. 59.

откровение—увидѣлъ, какъ душа его брата разлучалась съ тѣломъ: оказалось, что въ это именно время его братъ умеръ (сар. VIII) ¹⁾. О смерти достопочтеннаго аббата нурейскаго Снея Григорій Великій сообщаетъ, что монахи видѣли, какъ его душа въ видѣ небольшого голубка исходила изъ тѣла ²⁾. Рассказывая о смерти другаго пресвитера (сар. XI), св. Григорій говоритъ, что въ минуту смерти, окруженный своими близкими и родными, онъ началъ восклицать: „Добро пожаловать, господіе мой, добро пожаловать!.. Но зачѣмъ вы удостоиваете меня, раба вашего, своимъ посѣщеніемъ“? А когда окружающіе спросили, къ кому онъ обращался съ вопро-

¹⁾ Въ жизнеописаніи Benoît St. Maur'a, у Іакова Воражинѣ, находится слѣдующій рассказъ, иллюстрирующий это мѣсто «Диалоговъ въ духѣ средневѣковаго искусства: часть кончины Benoît былъ открытъ двумъ братьямъ (монахамъ), которые, находясь въ отдѣльных кельяхъ, одновременно увидѣли «лѣстницу», покрытую богатыми коврами и освѣщенную множествомъ свѣтильниковъ; *лѣстница направлялась отъ кельи Бенуа къ небу, въ сторону востока*,—затѣмъ появился человѣкъ, одѣтый въ блестящее одѣяніе и возвѣстивъ имъ, что этимъ путемъ восходить на небо душа возлюбленнаго Божія. La Légende dorée, tom. 2 p. 60; ср. Migne, Dictionnaire des Légendes du Christianisme, col. 271.

²⁾ Omnes vero fratres qui aderant ex ore ejus exisse columbam viderunt, quae mox aperto tecto oratorii egressa, aspicientibus fratribus penetravit coelum. Cujus idcirco animam in columbae specie apparuisse credendum est, ut omnipotens Deus ex hac ipsa specie ostenderet quam simplici corde ei vir ille servisset (Сар. X, col. 336). Представленіе души, исходящей изъ тѣла, подъ видомъ отлетающей птицы (голубя или какой либо другой)—весьма распространенное у различныхъ народовъ; оно напр. было извѣстно у Египтянъ: на египетскихъ похоронныхъ памятникахъ часто встрѣчаются фигуры птичекъ, вылетающихъ изъ устъ мумій—см. Rouge, Rituel funer. plan. III,—на похоронныхъ памятникахъ Этрусковъ, Грековъ и Римлянъ, затѣмъ въ древне-христіанской живописи это одинъ изъ обычныхъ символовъ перехода души въ вѣчность—см. Pitra, Spicileg. Solesm. t. II p. 384; ср. Фрикэнъ, Катакомбы и пр. 1877 г. вып. I стр. 58 и 60. Такъ же часто это представленіе встрѣчается и въ христіанскихъ легендахъ: о св. Поликкарпѣ существуетъ преданіе (усвоенное легендой) что изъ кюстра, на которомъ онъ былъ сожженъ, вылетѣлъ голубокъ; такое же преданіе о св. Евлазіи, о св. Христіанѣ и т. д. См. Acta Sanct. regist. sub voce Columba, Légende dorée, passim; также, Paulin. Nolan. Epist. 10; Cl. Aur. Prudent. Peristeph. III, 161; 521; VI, 7 и мн. др.—Замѣтимъ, между прочимъ, что въ поэтическихъ преданіяхъ славянскихъ народовъ голубокъ имѣетъ точно такое же значеніе — служить символомъ души, отходящей въ вѣчность. См. Fridreich, Symbolik und Mythol. d. Natur, Würzb. 1859 стр. 558.

сомъ, онъ отвѣтилъ: „развѣ вы не видите, что сюда пришли св. апостолы? Развѣ не видите первыхъ изъ апостоловъ — Петра и Павла?“ Затѣмъ, произнося слова: „я иду, иду!“ испустилъ духъ ¹⁾. „Часто случается праведнымъ, замѣчаютъ по этому поводу св. Григорій, умирая видѣть подлѣ себя святыхъ, дабы въ ихъ присутствіи безъ печали и боязни освободиться отъ оковъ плоти (Migne, I. c. col. 337). Далѣе, со словъ очевидцевъ, Григорій В. говорить о Сербулѣ, который, находясь въ тяжелой болѣзни и чувствуя приближеніе смерти, позвалъ къ себѣ странниковъ (peregrinos viros), пользовавшихся гостепріимствомъ въ его домѣ, и просилъ, чтобы они вмѣстѣ съ нимъ пѣли псалмы въ ожиданіи исхода его души, но когда началось пѣніе, онъ вдругъ остановилъ ихъ, воскликнувъ: „Молчите! развѣ вы не слышите, какія хвалы воспѣваются на небѣ?“ — въ эту минуту его душа разлучилась съ тѣломъ (Migne. I. c. col. 344) ²⁾. — Коснувшись вопроса — всѣ ли умирающіе дѣти

¹⁾ Ср. гл. XII: умирающему епископу являются съ сіяющимъ лицомъ св. мученики Ювеналій и Элевферій, — гл. XIII и XVI: умирающей праведницѣ является самъ Иисусъ Хр., — гл. XVII: является Матерь Б. и т. д. Мы позволимъ себѣ привести только слѣдующій довольно любопытный примѣръ изъ нашихъ славянскихъ рукописей: въ «Сказаніи св. Пахомія о Средѣ и Пятницѣ» (Новг. Соф. библ. № 1444 л. 354 об., рук. XVI в.) говорится, что Пахомій встрѣтилъ однажды похоронное шествіе и позади гроба двухъ свѣтозарныхъ ангеловъ, которые сказали ему, что одинъ изъ нихъ — «ангелъ Среда», а другой — «Пятница», и что они провожаютъ умершаго, потому что онъ во время жизни соблюдалъ строжайшій постъ въ среду и пятницу...

²⁾ Ср. сар. XV: de transitu Romulae ancillae Dei: при ея отходѣ необыкновенный блескъ освѣтилъ келію, послышалось пѣніе ангельскихъ хоровъ, распространилось необыкновенное благоуханіе и пр. — Migne, col. 344—345; Greg. M. Homil. 15. Въ «Люцидарѣ», представляющемъ родъ средневѣковой народной энциклопедіи (приписывается Гонорію Отенскому, XII в.) и, подобно легендамъ Воражніе, также весьма популярномъ въ средніе вѣка (былъ извѣстенъ и въ славянскихъ переводахъ — см. первую часть «Люцидарія» изд. Тихоновоымъ въ Дѣт. Рус. Литер. Т. I, 1859 г.), говорится почти буквально тѣми же словами, какъ и у Григорія Великаго: «ita cum justus in extremis agit, angelus sui custos cum multitudine angelorum venit, et animam ejus sponsam Christi de carcere corporis tollit, et cum maximo dulcissimae melodiae cantu, et immenso lumine, ac suavissimo odore, ad coeleste perducit palacium, in spiritualem paradisum». Elucidarium sive Dial. de summa totius Christ. Theol., Migne, Patrol.

наслѣдять царство небесное, и отвѣчая, что не всѣ,—Григорій В. подтверждаетъ это примѣромъ одного мальчика, который по небрежности родителей приучился хулить Бога: когда мальчикъ заболѣлъ и лежалъ на рукахъ своего отца, внезапно появились злые духи (въ греческомъ пер. Діалоговъ: τὰ τῆς πονηρίας πνεύματα), остановились предъ нимъ и начали смотрѣть на него своими страшными, пожирающими взорами. Мальчикъ затрепеталъ и закричалъ отцу: „заступись за меня, заступись! Черные люди пришли, хотятъ меня унести“ ¹⁾). Вслѣдъ за этимъ, Григорій Великій переходитъ

series latin. tom. 172 col. 1157. — Въ лицевой славянской рукописи XVII в. (Новг. Соф. библ. № 1430) объ исходѣ души говорится: «возгласи же Михаилъ гласомъ велиимъ рече: Господи, что повелиши о душѣ сей, понеже не хочетъ изыти. Приидеть же имъ (Михаилу и Гавриилу) гласъ глаголю: се посылаю Давида съ гуслями и вся поющая, и изыдетъ съ радостію, вы же не нудите сію. И се внезапно приидоша въ домъ нѣциіи красніи мужіе, и начаша пѣніе красное зѣло. И сія слышавши душа отъ радости изыдетъ истѣла и приидеть на руки Михаилу. И поемъ же сію въздоша на небеса радуящися» (въ тексту приложено изображение Давида съ гуслями, подлѣ одра умирающаго). Это мѣсто изъ нашей рукописи (ср. также Буслаевъ, Истор. Очер. Р. Нар. Слов. Т. II, стр. 152—153) отлично иллюстрируетъ приведенный рассказъ св. Григорія и можетъ служить образчикомъ множества подобныхъ же рассказовъ, какъ въ нашихъ славянскихъ, такъ и въ западныхъ средневѣковыхъ сборникахъ легендъ,—на этотъ разъ представленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поэтическіе образы были одни и тѣ же у насъ и на Западѣ.

¹⁾ «Mauri (греч. Μαύροι) homines venerunt, qui me tollere volunt» (Cap. XVIII, col. 349). Въ другомъ мѣстѣ: «nigerrimi spiritus.... черные духи»—cap. 38, col. 392. У древнихъ церковныхъ писателей нерѣдко встрѣчается представленіе злыхъ духовъ въ видѣ черныхъ людей, ээионовъ или мавровъ,—см. напр. Апокрифическіе Акты ап. Андрея, Migne, Dictionaire des Apocriphes, t. II col. 78. Въ славянскихъ рукописяхъ оч. часто относительно умирающихъ говорится, что ихъ окружили «Мурини страшни»; мурини, очевидно, переводъ греч. Μαύροι, такъ какъ это выраженіе встрѣчается въ такой несомнѣнно русской статьѣ, авторъ которой пользовался греческимъ текстомъ «Діалоговъ» Григорія В.—см. Новг. соф. библ. № 1357 л. 22,—другое равнозначашее съ этимъ выраженіе въ славянскихъ рукописяхъ — «человѣки имущи лица паче смолы»—Новг. библ. № 1450, лист. 307.—О явленіи умирающему злыхъ духовъ и борьбѣ ихъ съ ангелами см. Migne, Dictionaire des Apocriphes, tom. II, col. 623; Порфирьевъ, Апокр. сказан. о ветхозав. лицахъ, Каз. 1873 г. стр. 294. Мысль о явленіи умирающему злыхъ духовъ встрѣчается у древнѣйшихъ отцовъ церкви, см. напр. Iust. Mart. Dialog. cum Tryphon. cap. 105 (Migne, Patrol. series graeca, tom.

къ ученію о загробномъ состояніи чловѣка и о мѣстопробываніи усопшихъ душъ, подтверждая свое ученіе также легендами. Праведники, по его ученію, идутъ прямо въ рай (гл. XXV), безусловно-грѣшныя—въ адъ (гл. XXXII), чистилище (очистительный огонь) существуетъ только для нѣкоторыхъ малозначительныхъ грѣховъ, какъ напр. непрестанное празднословіе, неумѣренный смѣхъ, излишнее попеченіе о земномъ и др. (гл. 39. 40. 55.). Адъ находится подъ землею (гл. 42); это—бездонная пропасть (Moralia, XXVI сар. 37) съ различными подраздѣленіями: въ немъ есть мѣста, въ которыхъ безъ всякихъ мученій и болѣзней покоились (до пришествія Христа) праведники, и мѣста, въ которыхъ подвергаются мученіямъ различные грѣшники (penales loci) — одни въ верхнихъ, другіе—въ нижнихъ частяхъ ада, соотвѣтственно различнымъ степенямъ ихъ грѣховъ (гордые, расточительные, завистливые и т. д. Dial. IV, сар. 35), а въ самомъ нижнемъ углу ада обитаетъ сатана (Moralia XII сар. 9; XIII, сар. 48). Для наказанія грѣшниковъ въ аду существуетъ вещественный огонь, огонь адскій, показывающійся наружу при изверженіи вулкановъ. Люди могутъ проникать въ загробную область и созерцать мученія грѣшниковъ, или „въ видѣніи“, или умирая и снова, по волѣ Божіей, возвращаясь къ жизни и рассказывая другимъ то, что они видѣли по смерти. Разказы такого рода Григорій Великій и приводитъ въ подтвержденіе своихъ мыслей о загробной жизни. *Такъ одинъ отшельникъ* рассказывалъ, что онъ видѣлъ, какъ „нечестивый готскій король Теодорихъ послѣ своей смерти былъ брошенъ въ жерло вулкана“ (гл. XXX). „Репарать послѣ смерти былъ отведенъ на мѣсто мученій, но потомъ возвратился къ жизни, рассказалъ о томъ, что онъ видѣлъ, и снова умеръ“ (гл. XXXI). Одинъ праведный мужъ, умирая, предвидѣлъ

VI, col. 721); Quaest. et Respons. ad orthodox., Quaest. 75 (Migne, ibid. col. 1317) и др. Въ «Люцидаріѣ» объ исходѣ души нечестиваго опять говорится почти тѣми же словами, какъ у Григорія Великаго: «Cum mali in extremis sunt, daemones maximo strepitu conglobati veniunt aspectu horribiles, gestibus terribiles, qui animam cum pervalido tormento de corpore excutiant, et crudeliter ad inferi claustra pertrahant». Migne, tom. 172 col. 1159.

одновременную съ нимъ кончину своего друга и послалъ слугу извѣ-
стить его объ этомъ: „иди скажи, чтобы онъ шолъ, потому что
*готовъ уже корабль, на которомъ намъ нужно ѣхать въ Сици-
лию*“. Въ поясненіе этой легенды Григорій Великій говорить:
„свидѣтельство умирающаго, что его повезутъ въ Сицилію, можетъ
означать то, что *на сихъ островахъ, по преимуществу предъ
другими мѣстами, изъ горныхъ жерлъ извергаемый огонь при-
готовленъ для мученій*. Эти жерла, какъ рассказываютъ видѣв-
шіе ихъ, ежедневно разширяются въ своемъ объемѣ, такъ что,
чѣмъ болѣе съ приближеніемъ конца міра собирается туда грѣш-
никовъ, назначаемыхъ для мученій въ огнѣ, тѣмъ болѣе разши-
ряются и самыя мѣста мученій“ (Migne, lib. cit. pag. 379; Ка-
занскій пер. 321—323). Одинъ монахъ, по имени Петръ, тяжело
заболѣлъ и умеръ, но потомъ воскресъ и рассказывалъ, что онъ
видѣлъ безчисленныя мѣста, охваченныя адскимъ пламенемъ
и въ этомъ пламени онъ увидѣлъ подвергнутыхъ мученіямъ „нѣ-
которыхъ сильныхъ вѣка сего“ (quosdam hujus saeculi potentes),—
онъ самъ едва избѣжалъ опасности: *явился ангелъ въ блестящемъ
одѣяніи, защитилъ его* и сказалъ: „возвратись и внимательнѣе
подумай, какъ слѣдуетъ тебѣ жить послѣ сего“ (гл. XXXVI). О
другомъ умершемъ рассказывали: послѣ смерти онъ *былъ отведенъ
къ адскому судьи*, но судья не принялъ и сказалъ: „не этого Сте-
фана (такъ назывался, умершій) я велѣлъ привести, а другаго, его
сосѣда, занимающагося кованіемъ желѣза“. Послѣ этого онъ тотчасъ
же ожилъ, а другой Стефанъ умеръ (Migne, pag. 381)... Тутъ же
Григорій Великій приводитъ легенду о воинѣ, посѣтившемъ загроб-
ный міръ: тамъ онъ *видѣлъ мостъ, внизу котораго протека-
ла рѣка, черная, покрытая туманомъ и милою и испускавшая
необыкновенное зловоніе*,—позади моста былъ раскинутъ широкій
зеленѣющій лугъ, украшенный цвѣтами и пахучими расте-
ніями; на лугу было собрано множество людей, *одѣтыхъ въ бѣ-
лыя одѣянія, и такой пріятный запахъ* наполнялъ это мѣсто, что
пребывающіе здѣсь могли насыщаться одною пріятностію за-

пах¹⁾. Вдали видны были различныя жилища, ярко освѣщенныя, и между ними особенно выдавался одинъ домъ, который, казалось, былъ сдѣланъ изъ однихъ золотыхъ кирпичей... На берегу зловонной рѣки такъ же были различныя жилища, но въ нихъ—мракъ и смрадъ... По мосту проходили нечестивые и праведные — нечестивые падали *внизъ, въ зловонную рѣку, а праведники тихо и покойно переходили на другую сторону рѣки въ райскія обители*. Въ этихъ страшныхъ мѣстахъ воинъ нашолъ нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ ему лицъ: Петра, старѣйшину церковнаго чина, умершаго четыре года тому назадъ, — теперь онъ былъ повѣшенъ внизъ головой и рассказалъ воину, за что онъ подвергся такому наказанію; тамъ же воинъ увидѣлъ одного пресвитера, который подошелъ къ упомянутому мосту и перешолъ по нему съ такою же смѣлостію, съ какою искренностію жилъ здѣсь, на землѣ, — наконецъ, онъ увидѣлъ тамъ и того самаго Стефана, о которомъ разсказывается въ предъидущей легендѣ. „Когда Стефанъ хотѣлъ перейти чрезъ мостъ, его нога поскользнулась и онъ началъ падать внизъ, какъ вдругъ изъ рѣки высунулись страшные люди, стали тащить его за ноги внизъ, а въ это время другіе люди, одѣтые въ бѣлыя одежды и благообразные видомъ, за плечи удерживали его и тащили вверхъ“... (гл. XXXVI).

Таковы тѣ эсхатологическія представленія, которыя развиты въ „Діалогахъ“ Григорія Великаго, и мы сейчасъ увидимъ какую судьбу они имѣли въ средніе вѣка. Но здѣсь же, предварительно, нужно замѣтить, что мѣста, подчеркнутыя въ нашемъ изложеніи легендъ Григорія Великаго, можно считать общими мѣстами средне-вѣковой легенды о загробной жизни: отъ VI до XIV вѣка можно прослѣдить ихъ въ самыхъ разнородныхъ легендарныхъ разсказахъ—и чисто церковныхъ и народно-поэтическихъ...

¹⁾ Что пищей для праведныхъ въ раю служить благоуханіе, распространяемое райскими цвѣтами и растеніями—ср. Prudent., Hamartig. стих. 863 и сл.

II.

Подлинность „Диалоговъ“ св. Григорія не подлежит сомнѣнію ¹⁾; время ихъ составленія — 593 или 594 годъ ²⁾. За ихъ общезвѣстность въ средніе вѣка ручается прежде всего обширная популярность имени ихъ автора. Григорій Великій и на востокѣ и на западѣ считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ римскихъ перво-священниковъ: „Западъ видѣлъ въ немъ высшее олицетвореніе папской власти и вполне соглашался относительно его съ сужденіемъ св. Ильдефонса, который былъ его современникомъ и который заявлялъ, что Григорій В. превзошелъ св. Антонія подвижничествомъ, Кипріана — краснорѣчіемъ, бл. Августина — ученостію“ (Montalembert, *Les Moines d'Occident*, tom 2 pag. 182). Средневѣковые агиографы окружали его жизнь множествомъ чудесъ, совершенныхъ имъ при жизни и послѣ смерти ³⁾; его имя сдѣлалось легендарнымъ ⁴⁾, его жизнь была избираема даже сюжетомъ для религіозныхъ по-

¹⁾ Она подтверждается и внутренними доводами и внѣшними свидѣтельствами—Migne, *Patrol.* tom. 77 col. 130; 142. Ср. Лау, въ указ. соч. стр. 317.

²⁾ Migne, *ibid.* col. 143—144; Лау, стр. 316.

³⁾ Наиболѣе извѣстный его биографъ Павелъ Дьяконъ, жившій въ VIII вѣкѣ, рассказываетъ о многихъ чудесахъ св. Григорія—*Acta Sanct. Boll. Mart.* XII, tom. II. Другой анонимный биографъ въ *Acta Sanct.* между прочимъ говоритъ, что „когда св. Григорій изъяснялъ пророка Іезекииля, то къ нему прилеталъ бѣлый голубокъ, садился ему на плечо и постоянно прикладывалъ свой носокъ къ его устамъ: по его внушенію св. Григорій диктовалъ, а нотарій записывалъ за нимъ“. Въ западной церковной живописи были иконописаны изображенія этого—Wessley, *Iconographie Gottes und der Heiligen*, стр. 210.

⁴⁾ Такимъ онъ представляется въ знаменитой средневѣковой легендѣ „О св. Григоріѣ и объ императорѣ Троянѣ“ (объ освобожденіи его отъ вѣчныхъ мученій по молитвѣ св. Григорія)—у Іоанна дьякона, *Acta Sanct. lib. cit.* cap. 5. Въ „*Legenda Aurea*“ легенда о Троянѣ рассказана съ большими подробностями—см. cap. 46. Недовѣрчивые баллинисты дѣлаютъ слѣдующее примѣчаніе къ разсказу Іоанна дьякона: „Можетъ быть св. Григорій видѣлъ картину, изображавшую Трояна и картиной былъ наведенъ на мысль объ немъ, можетъ быть зналъ легенду объ немъ и увидѣлъ его во снѣ“ и т. д., *lib. cit.* pag. 137.—Данте, слѣдуя своему главному руководителю въ богословіи Фомѣ Аквинату (см. Labitte, *Etudes litteraires*, t. I, p. 213), считалъ великой побѣдой св. Григорія — „*sua gran vittoria*“—спасеніе Трояна, и отводитъ послѣднему въ своей „Боже-

эмъ ¹⁾. Сочиненія Григорія Великаго, какъ несомнѣнно извѣстно, имѣли обширный кругъ читателей въ средніе вѣка и оказали громадное вліяніе на средневѣковую церковную литературу, — не говоря уже о церковныхъ писателяхъ, для которыхъ творенія св. Григорія въ нѣкоторомъ родѣ служили настольной книгой, — его „бесѣдами“ пользовались такіе писатели, какъ напр. авторъ знаменитой нѣмецкой поэмы „Heliand“ (поэма начала IX в.), англо-саксонскіе поэты — Кэдмонъ (конца VII в: см. Beda, Hist. eccles. gent. Angl. lib. IV) ²⁾ и Киневульфъ (первой половины VIII в.) и др. ³⁾. „Диалоги“ св. Григорія приобрѣтаютъ извѣстность вскорѣ послѣ его смерти ⁴⁾ и очень рано были переведены на разные языки — на греческій (папою Захаріемъ VIII), арабскій, англо-саксонскій и французскій ⁵⁾.

Какъ показали сдѣланный нами анализъ этихъ „Диалоговъ“, они не заключаютъ въ себѣ — ни въ формѣ, ни въ содержаніи — почти ничего оригинальнаго, ничего такого, чего нельзя было бы указать въ болѣе или менѣе отдаленной христіанской древности. Легенды-видѣнія начинаютъ появляться съ первыхъ вѣковъ христіанства: видѣнія Карпа, Христіны, св. Перпетуи и др. ⁶⁾. Позд-

ственной комедіи мѣсто въ раю — см. Чистил. пѣс. 10 ст. 73—75, Рай, пѣсн. 20. Въ церковной живописи этотъ рассказъ также былъ весьма популяренъ. Wessley Iconographie и пр. стр. 211.

¹⁾ См. французскую поэму 12—13 вѣк.: Vie de monseigneur saint Grégoire изд. въ 1857 г. M. Vict. Luzarche, анализъ поэмы у Moland'a: Origines littéraires de la France, стр. 121—128.

²⁾ Grein, Die Quellen des Heliand. стр. 113 и сл.; Windisch, Der Heliand und seine Quellen, стр. 85 и др.; Grein, Bibliothek d. Angelsachs. Poesie, томъ I (оригинальный текстъ), переводъ его же: Dichtungen der Angelsachsen, том. I, стр. 1 и сл. ср. Hammerich (нѣмец. пер. Michelsen'a), Altest. Christl. Epik, стр. 40. Поэмы Кэдмона: «Пѣснь о Крестѣ», «О твореніи міра и о грѣхопаденіи», «о Ноѣ», «объ Авраамѣ» и др.

³⁾ См. Dietrich, Comment. de Kynevulf poëtæ ætate. Marburg, 1860; Hammerich, въ указан. сочиненіи.

⁴⁾ Migne, l. cit. col. 130 и сл.

⁵⁾ Migne, l. cit. col. 143; Lau, l. cit. pag. 318. — Славянскіе переводы, сдѣланные съ греческаго, очень часто встрѣчаются въ нашихъ рукописяхъ.

⁶⁾ Tertul. De Anima, cap. 55; Діонисій Ареопагитъ, Epistol. VIII; Август.

нѣе, „видѣнія“ разнаго рода — дѣйствительныя и фиветивныя — приобрѣли особенно широкую популярность въ средѣ монашеской. Въ IV вѣкѣ у восточныхъ монаховъ находилось въ обращеніи множество легендарныхъ видѣній, притомъ, какъ сообщаетъ Созоменъ, „ложныхъ, отвергаемыхъ христіанской древностію“ ¹⁾, т. е. такихъ, которыя были созданиємъ экзальтированной фантазіи. Несомнѣнно, и въ эпоху Григорія Великаго у восточныхъ и западныхъ монаховъ легенды-видѣнія были въ большомъ ходу. Кромѣ Григорія Великаго, Григорій Турскій, его современникъ (544—595) и челоуѣкъ строго монашескаго воспитанія, въ „Исторіи Франковъ“ и въ нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ приводитъ нѣсколько такихъ легендъ ²⁾, не обнаруживая ни малѣйшаго недовѣрія или сомнѣнія, хотя бы ему приходилось основываться на однихъ слухахъ или же свѣдѣніяхъ и разсказахъ сомнительнаго происхожденія ³⁾. Въ слѣдующемъ вѣкѣ, знаменитый историкъ англійской церкви Беда Достопочтенный съ такою же наивностію и вѣроятно изъ того же источника сообщаетъ подобнаго же рода легенды ⁴⁾. Св. Григорій самъ не скрываетъ, что все записанное имъ получено отъ монаховъ или вообще отъ людей близкихъ къ монастырю, гдѣ такимъ образомъ, нужно думать, гораздо ранѣе его легенда существовала уже въ извѣстной опредѣленной формѣ, въ формѣ устныхъ, а можетъ быть и письменныхъ разсказовъ и преданій, получавшихъ теперь, подъ перомъ св. Григорія, литературную и до нѣкоторой степени законченную, притомъ, авторитетную форму. Равнымъ образомъ, разсматривая одно за другимъ различныя эсхатологическія представленія, развиваемыя въ „Діалогахъ“ св. Григорія, трудно указать между ними такое, которое нельзя было бы прослѣдить до самой ранней христіан-

De Origene Animaе, lib. 2 (цитаты двухъ послѣднихъ у Labitt'a и Ozanam'a, Dante и пр.).

¹⁾ Sozom, Histor. lib. 17, cap. 19.

²⁾ Histor. Franc. lib. VII; lib. VIII и др. ср. De Miracul. s. Martin. II, 6.

³⁾ См. для характеристики этой эпохи: I. Lœbel, Gregor von Tours und seine Zeit, 2 изд., особенно отд. III и IV.

⁴⁾ Beda Venerabil. Histor. eccles. lib. III cap. 19; lib. V cap. 13 и др.

ской древности—или въ писаніяхъ отцовъ и учителей церкви, или въ христіанскихъ легендахъ, апокрифахъ, равно какъ и въ памятинкахъ первоначальнаго христіанскаго искусства (въ надписяхъ и въ живописи катакомбъ). Возможность общенія между живыми и умершими съ помощью „видѣній“ или странствованій въ загробный міръ, представленіе души подъ разными символами, вся внѣшняя обстановка, при которой происходитъ разставаніе души съ тѣломъ и переходъ ея въ загробный міръ, — самая обрисовка загробнаго пребыванія душъ—все это въ „Діалогахъ“ излагается тѣми же самыми чертами, съ какими этотъ предметъ былъ уже извѣстенъ въ первые вѣка христіанства, даже относительно адскихъ мученій, о которыхъ не знаетъ (или по крайней мѣрѣ чуждается знать) христіанское искусство первыхъ трехъ вѣковъ, „Діалоги“ св. Григорія могли подбирать самыя яркія краски также прямо изъ древнѣйшаго христіанскаго источника—изъ отдѣльныхъ мѣстъ въ писаніяхъ отцовъ церкви, изъ такихъ напр. произведеній какъ знаменитое „Никодимово Евангеліе“, которое, какъ показываетъ изслѣдованіе Морри, появилось въ концѣ IV вѣка и изображало адъ чертами, взятыми изъ писаній отцовъ церкви ¹⁾,—или, наконецъ, изъ такихъ блестящихъ поэтическихъ картинъ, изображающихъ загробный міръ, какія напр. встрѣчаются у Ефрема Сирина и у Пруденція ²⁾. При этомъ, не должно опускать изъ виду и нѣкоторое прямое вліяніе старыхъ классически-мифологическихъ традицій (таково напр. въ Діалогахъ св. Григорія повѣрье относительно вулкановъ, представленіе моста переводящаго въ загробный міръ и др.), восходящее также къ самой ранней христіанской древности. Извѣстно, что многіе изъ древнѣйшихъ писателей понимали въ прямомъ реальномъ смыслѣ нѣкоторыя изъ поэтическихъ описаній греческаго Гадеса (у Гомера или Платона, 1 и 10 кн. Республ. и др.), или

¹⁾ Maury, Croyances et Legendes de l'Antiquité, 2 edit. 1863 г. стр. 289 и сл. ср. M. Nicolas, Etudes sur les Evangiles Apocryphes, 1866 г. стр. 380.

²⁾ Burgess, Metrical Hymns of Ephrem, стр. 113 и сл. (описаниерая); Cl. Aur. Prudent. Hamartigen. 824—866 стих. (описаниерая и ада).

утверждая, что язычники дѣлали заимствованія изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ (Іустинъ), или же просто находя въ этихъ описаніяхъ черты вполне отвѣчающія христіанскому понятію объ адѣ (Климентъ Александрійскій) ¹⁾. Такимъ образомъ, если въ „Діалогахъ“ св. Григорія проглядываютъ даже нѣкоторые изъ древнѣйшихъ міеологическихъ традицій не христіанскаго начала, то и въ этомъ случаѣ „Діалоги“ не выступали изъ круга представленій, обращавшихся въ христіанской древности, что, разумѣется, ни мало не ослабляетъ ихъ значенія по отношенію къ среднимъ вѣкамъ, — напротивъ, увеличиваетъ оное: они констатировали древне-христіанскія представленія и вѣрованія относительно загробной жизни и передавали ихъ среднимъ вѣкамъ въ простой, увлекательной формѣ легенды, которая, какъ извѣстно, всегда имѣла широкую популярность и въ древности и въ средніе вѣка, находила читателей всюду — и въ монастырѣ, и въ высшихъ слояхъ общества, и въ простомъ народѣ, какъ всеѣмъ одинаково доступная по своей простотѣ и незамысловатости. Поэтому, неудивительно, если позднѣе, въ средніе вѣка, церковная легенда и мірская пѣсня (напр. нѣкоторые изъ *chanson des gestes*, позднѣе *fabliaux*, пѣсни миннезингеровъ и пр.), развивая средневѣковыя эсхатологическія представленія, часто обнаруживаютъ одинаковое знакомство съ этими „Діалогами“ — иногда дѣлаютъ изъ нихъ заимствованія, вносятъ новыя черты или же только измѣняютъ, варіируютъ подробности, сообщаемыя въ нихъ.

Но обращаясь къ разсмотрѣнію „Діалоговъ“ св. Григорія съ этой стороны — со стороны вліянія на средневѣковую легенду въ ея дальнѣйшемъ развитіи (послѣ VI вѣка), прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что прослѣдить съ фактической точностію прямое вліяніе ихъ (какъ и всякаго подобнаго источника) въ отдѣльныхъ и какъ извѣстно весьма многочисленныхъ средневѣковыхъ легендахъ — едвали возможно. Легенда вообще такой родъ поэзіи, который удобно комбинируетъ разнородныя представленія, взятыя изъ

¹⁾ Justin. Ad Græcos cogort. cap. 26, 27 и др. Clem. Alex. Stromat. V; Euseb. Præp. Evang. IX.

одного известнаго источника, и однакожь она какъ бы не знаетъ его, остается въ сторонѣ отъ своего главнаго источника, иногда сама не замѣчаетъ его присутствія. Кромѣ того, легенда очень легко и очень часто принимаетъ въ себя черты отовсюду, и притомъ главное—изъ преданій и легендъ классической древности, равно какъ изъ легендъ и мифовъ мѣстнаго происхожденія, оставшихся отъ языческой старины того или другаго народа. Мы позволимъ себѣ остановиться на этомъ пунктѣ. Язычество и на Востокѣ и на Западѣ не разомъ уступило христіанству; оно долгое время сохранялось въ народѣ (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до сихъ поръ) — въ народныхъ повѣрьяхъ, обрядахъ, обычаяхъ (двоевѣріе) ¹⁾ и, всего чаще, ассимилировалось съ христіанскими вѣрованіями и установленіями ²⁾. Равнымъ образомъ, рѣшительнаго разрыва, полнаго отреченія христіанскихъ народовъ отъ классической старины съ ея литературой и искусствомъ не могло быть, и мы смѣемъ думать, что его дѣйствительно никогда и не было. Византійское искусство въ различные періоды своего развитія сохраняло живыя связи съ искусствомъ классическихъ антиковъ, то приближаясь, то удаляясь отъ нихъ ³⁾, и вѣроятно тоже самое въ известной мѣрѣ представляетъ и византійская литература, хотя, къ сожалѣнію, объ ней мы знаемъ слишкомъ мало, чтобы можно было утверждать что-либо положи-

¹⁾ См. A. Beugnot, Histoire de la destruction du paganisme en Occident, — Etienne Chastel, Histoire de la destruction du paganisme dans l'empire d'Orient, — и въ сочин. Maury, Magie et Astrologie au Moyen Age, chap. VII.

²⁾ Множество фактовъ, подтверждающихъ эту мысль, собрано въ только что указанныхъ сочиненіяхъ, особенно у Морн; см. также его брошюру Les fées du Moyen-Age, Paris 1843, стр. 18. 19. 40. 46—59 и др.—Какъ извѣстно, нѣкоторые изъ римскихъ папъ, съ цѣлю ускорить обращеніе язычниковъ въ христіанство, позволяли миссіонерамъ «не насатся» многихъ народныхъ языческихъ обрядовъ и повѣрій, или только придавать имъ христіанскій смыслъ: см. Gregor. Mag. Epistol. 76 lib. II (цитата приведена вполнѣ у Maury, Fées du Moyen-Age, pag. 17, примѣч., но въ изд. Миня я не нашелъ этого мѣста); ср. August, Epistol. 155; Beda Venerabil. Histor. eccles. Angl. I, 30. Такимъ образомъ, то, что въ недавнее время практиковалось римскими миссіонерами (иезуитами) въ Китаѣ, давно уже было освящено примѣромъ и словомъ римскихъ первосвященниковъ.

³⁾ См. недавнее сочиненіе Кондакова, «Исторія византійской миниатюры», отзывъ о которомъ былъ сдѣланъ нами въ № 16 «Церк. В.» за 1877 годъ.

тельное. Затѣмъ, что касается связей христіанскаго Запада съ классической древностію, то извѣстенъ цѣлый рядъ краснорѣчивыхъ свидѣтельствъ въ утвердительномъ смыслѣ. Италія, прямая наслѣдница вѣхъ сокровищъ античной древности, никогда не прерывала своихъ кровныхъ связей съ древне-классическимъ міромъ и блестящимъ образомъ выполнила роль ближайшей посредницы между нимъ и ново-европейскимъ Западомъ. Въ Италіи каждый уголокъ, каждое мѣстечко, носившее римское названіе, были освящены преданіями и воспоминаніями классической старины, — множество старинныхъ классическихъ повѣрій, обрядовъ, празднествъ долгое время сохранялось здѣсь почти безъ всякаго измѣненія (напр. языческія празднества въ дни генварскихъ календъ и весною — до XVI в., а карнавалъ — старый языческій праздникъ, какъ извѣстно, справляется и по-нынѣ). Понятно, тѣмъ болѣе уже классическія литературныя преданія никогда не умолкали въ Италіи: римскіе поэты Гораций, Овидій, но особенно Virgilii были окружаемы въ итальянскомъ народѣ ореоломъ неувядаемой славы и величія, — вокругъ послѣдняго былъ сосредоточенъ цѣлый циклъ классическихъ воспоминаній ¹⁾; мало того, благодарные соотечественники даже причислили его, своего любимца, къ лику католическихъ святыхъ, какъ человѣка, который, оставаясь язычникомъ, силою человѣческой мудрости могъ проникать въ тайны божественнаго провидѣнія и предвозвѣщать близкое пришествіе Христа, даже Его рожденіе отъ Дѣвы ²⁾. Западная церковь съ своей стороны способствовала сохра-

¹⁾ Въ виду этого, совершенно понятно то необыкновенно-глубокое чувство любви и идеальной преданности, съ какою относился къ Virgilio «величайшій» изъ итальянскихъ поэтовъ — Данте — къ своему, какъ онъ говоритъ, путеводителю, повелителю и наставнику: «tu duca, tu signore et tu maestro...», говорить онъ объ немъ въ *Infern.*, canto 2, ст. 140.

²⁾ На основаніи извѣстнаго мѣста его *Bucol.* Eclog. IV, 4—9:

Ultima Cumæi venit jam carminis ætas;
Magnus ab integro sæclorum nascitur ordo.
Jam redit et virgo, redeunt saturnia regna:
Jam nova progenies cœlo demittitur altro и пр.

Въ церквахъ Мантуи (родина Virgilii) въ средвіе вѣка пѣли трогательный

ненію литературы и многочисленныхъ традицій стараго Рима. Она освятила своимъ употребленіемъ латинскій языкъ, сообщивъ ему чрезъ это обязательно-авторитетное значеніе для всего Запада, сохранила многое изъ древней науки, сохранила памятники искусства и всегда съ должнымъ уваженіемъ относилась къ римскимъ классическимъ писателямъ: почти всѣ лучшіе западные церковные писатели, даже въ наиболѣ темные средніе вѣка, гордились знаніемъ классической латыни и классиковъ ¹⁾. Западные монастыри не отказывались отъ ближайшаго знакомства съ языческой стариной: они собирали рукописи древнихъ классиковъ въ своихъ библіотекахъ ²⁾, дѣлали съ нихъ копіи, читали ихъ, объясняли въ школахъ и распространяли знакомство съ ними въ различныхъ слояхъ общества, что, при общительномъ характерѣ западнаго монашества, происходило само собою ³⁾. Изъ Италіи, какъ изъ своего центра, преда-

гимнъ, въ которомъ апостолъ Павелъ былъ представленъ посѣтившимъ гробницу Виргилія въ Неаполѣ и горько плакавшимъ о томъ, что слишкомъ поздно для великаго поэта-язычника онъ пришелъ съ своею христіанскою проповѣдью — Ozanam, Dante et la philosophie catholique au XIII siècle (изд. 1845 г.) стр. 397.

¹⁾ Августинъ, Іеронимъ, Амвросій и т. д. до Исидора Севильскаго и средневѣковыхъ схоластиковъ—см. Ad. Ebert, Geschichte der Christlich-lateinischen Literatur von ihren Anfängen и пр. 1874 г. стр. 113; 120; 156; 191; 204; 330, 412; 453—457; 559 и др.—Безъ сомнѣнія, если бы церковные писатели имѣли иной взглядъ по этому вопросу, то едва ли возможно было напр. въ VIII в. такое сужденіе о значеніи классической литературы для изученія христіанскаго богословія, какое современники приписываютъ знаменитому нѣмецкому императору Карлу В.: *literarum studia non solum non negligere*, говорилъ онъ, *verum etiam humillima et Deo placita intentione ad hoc certatim discere, ut facilius et rectius divinarum scripturarum mysteria penetrare...* Н. Reuter, Geschichte d. religiös. Aufklärung im Mittelalt. 1875, стр. 6 и 264 (примѣчаніе 21).

²⁾ Ozanam, Dante et la philosophie catholique и пр. стр. 395.

³⁾ Особенно въ этомъ дѣлѣ послужилъ знаменитый монастырь Бенедиктинскій (устр. въ IV в.). Однимъ изъ главныхъ правилъ въ уставѣ св. Бенедикта внушалось монахамъ, что такъ какъ *«Otiositas inimica est animae»*, то монахи должны неустанно трудиться, трудами рукъ своихъ добывать себѣ пропитаніе, а остальное свободное время посвящать устройству и занятіямъ въ школахъ, заниматься собраніемъ, перепискою и чтеніемъ книгъ. Эти глубокія мысли св.

нія античной древности расходились по всему Западу. Принимая латинскій языкъ, а потомъ и христіанство, западные народы воле-неволей входили въ духовное общеніе съ древнимъ Римомъ, связывали съ нимъ свои судьбы, подчинялись ему, и такъ скоро и неизбежно, что, дѣйствительно, римскій историкъ Тацитъ съ полнымъ правомъ, какъ для своего времени, такъ и для позднѣйшихъ вѣковъ могъ заявить, что „даже самые упорные изъ европейскихъ варваровъ (Бритты)“, болѣе другихъ противившіеся власти Рима, кончали тѣмъ, что начинали завидовать римскому краснорѣчію ¹⁾.

Въ виду указанныхъ историческихъ фактовъ становится понятнымъ постоянное и довольно замѣтное присутствіе античныхъ преданій и мифовъ въ средневѣковой западной литературѣ, которые, или разбросанные по частямъ, отрывочно, или въ цѣльномъ видѣ и переплетаясь между собою, оставили слѣды своего продолжительнаго вліянія почти въ одинаковой мѣрѣ и въ произведеніяхъ національной поэзіи различныхъ европейскихъ народовъ (что въ сильной степени замѣчается уже съ XI по XIII в., слѣдовательно задолго до такъ-называемой „эпохи возрожденія“) и въ церковныхъ легендахъ, хотя послѣднія всегда имѣли свои специально-христіанскіе образцы и свои особыя литературныя традиции. Чтобы видѣть, какъ легко и удобно произведенія древне-классической фантазіи могли попадать въ литературу и въ обще-народное обращеніе, даже помимо ихъ специальныхъ источниковъ (сочиненій древнихъ классиковъ), изъ которыхъ можно было ихъ почерпать — приводимъ одинъ примѣръ. Всѣмъ извѣстенъ классическій мифъ о схожденіи Орфея въ адъ, — мифъ этотъ изложенъ въ IV кн. „Георгикъ“ Виргилія (стих. 450—560) и въ 10 кн. „Метаморфозъ“ (ст. 1—85) Овидія. У Боэція (въ VI в.) въ его „De Consolatione Philosophiae“

Бенедикта легли въ основу всего западнаго монашества и до нѣкоторой степени опредѣлили его судьбу въ исторіи западно-европейской культуры и церкви. См. Le comte de Montalembert, Les Moines d'Occident depuis saint Benoît и пр. 1860 г. том. 2 кн. IV стр. 40 и сл.

¹⁾ «Ut qui modo linguam romanam abnuebant, говорятъ Тацитъ, eloquentiam concupiscerent». Tacit. Agricola, XXI.

высшѣ приведенъ мнѣ объ Орфеѣ, но съ дидактической цѣлю: изъ него сдѣлана параболъ съ цѣлю доказать ту мысль, что всей душой нужно прилѣпляться къ высочайшему благу — къ Богу и безразлично относиться къ вещамъ міра сего. Теперь, такъ какъ трудъ Бозція былъ чрезвычайно любимъ на Западѣ въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ и былъ извѣстенъ на разныхъ европейскихъ языкахъ во множествѣ прозаическихъ и стихотворныхъ переводовъ ¹⁾, то какъ этотъ мнѣ (въ своей новой формѣ), такъ и многіе другіе, приводимые Бозціемъ съ указанной же цѣлю, входили въ общелитературное и народное обращеніе и давали сюжеты для новыхъ легендъ ²⁾.

Такимъ образомъ, присутствіе классическихъ традицій, легендъ и мнѣвъ классической древности въ средневѣковомъ обществѣ и литературѣ—фактъ, который въ частности по отношенію къ представленіямъ о загробной жизни, въ историческомъ развитіи легенды, обнаружился тѣмъ, что легенда мало по малу усвоила и провела въ общество множество мнѣологическихъ представленій, касавшихся загробной жизни, которыми на этотъ разъ была богата классическая древность,—легенда приспособила ихъ къ христіанскимъ по-

¹⁾ Moland, *Origines litteraires de la France* стр. 272.

²⁾ Такъ напр. и легенда объ Орфеѣ давала сюжеты для западныхъ народныхъ балладъ: ср. англо-саксонскую народную балладу «*Orfeo and Herodys*» у Wright'a: *St. Patriks Purgatory*, 1844 г. стр. 41—45. Замѣтимъ, между прочимъ, что еще раньше Бозція нѣкоторые западные церковные писатели пользовались аллегорическимъ толкованіемъ древне-классическихъ мнѣвъ: первые по времени труды въ этомъ родѣ были произведенія Фульгенція (конца V вѣка), изъ числа которыхъ особенно замѣчательны его толкованія на Энеиду Виргилія («*Virgiliانا Continentia*»), гдѣ онъ излагаетъ въ мистико-аллегорическомъ смыслѣ главнымъ образомъ шестую книгу Энеиды, касающуюся языческихъ загробныхъ вѣрованій. Въ послѣдствіи, въ средніе вѣка, мистико-аллегорическое толкованіе мнѣвъ сдѣлалось общимъ у западныхъ писателей, и Эбертъ справедливо замѣчаетъ, что «такимъ способомъ (т. е. подобнымъ обращеніемъ съ мнѣями) античная мнѣологія была спасена для среднихъ вѣзовъ» (Ebert, въ указ. сочин. стр. 458), хотя безъ сомнѣнія не мало было и другихъ условий, способствовавшихъ сохраненію и распространенію на западѣ мнѣологическихъ преданій древности.

нѣтіямъ и въ такомъ видѣ распространила ¹⁾. Что это такъ, достаточно указать одинъ примѣръ, конечно сравнительно поздній, но тѣмъ не менѣе вполне убѣдительный: Данте, несомнѣнно строгій богословъ-ортодоксалъ, вноситъ цѣлыя сцены изъ классической мифологии въ свою „Божественную Комедію“, украшаетъ картинами греко-римскаго ада и элизіума христіанскія загробныя страны, а въ началѣ поэмы (*Infern.*, *Cant.* II, ст. 25—33), кратко указывая свои главные поэтическіе источники, рядомъ съ классической легендой о сошествіи Энея въ адъ тотчасъ же упоминаетъ о восхожденіи апостола Павла на третье небо, послужившее предметомъ особой специально-христіанской церковной легенды (апокрифъ—*Visio S. Pauli*), которую вѣроятно въ данномъ случаѣ и разумѣлъ Данте ²⁾.

Церковная легенда идетъ въ одномъ ряду съ классической,—обитая между ними разнаго рода подробностями былъ удобенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣженъ, потому что легенда вообще неразборчива въ пользованіи различными источниками. Но кромѣ классическаго источника, средневѣковая легенда располагала данными иного рода,—это, какъ мы сказали, старыя язычески-мифологическія представленія различныхъ европейскихъ народовъ—скандинавовъ, кельтовъ и т. д. Западно-европейское язычество имѣло довольно развитую религіозную систему (какъ напр. друидизмъ) и вполне раз-

¹⁾ Вопросъ этотъ очень обширенъ и мы касаемся его только стороною, а потому оставляемъ до другаго раза многочисленныя литературныя факты, которыми подтверждается высказанная нами мысль. Изъ числа средневѣковыхъ легендъ можно было бы указать въ этомъ случаѣ—*«Visio Tundali»* (1149), существующее въ особой латинской книжкѣ и рассказанное у Вискентія Бове: *Specul. histor. lib. XXVI cap. 88* и сл., *Видѣніе Турсила* (*Thursill*) XI в., въ хроникѣ Маттея Парижскаго подъ 1206 г. и ми. др. см. *Wright, S. Patriks Purgatory*, стр. 32—37; 41—45.

²⁾ Ознамъ въ числѣ источниковъ „Божественной комедіи“ отпечатавъ эту легенду въ французской редакціи XIII вѣка: *«Vision de Saint Paul» — Dante et la Philosophie catholique*, pag. 424—437. Авторы средневѣковыхъ легендъ нередко ссылаются на „Видѣніе св. Павла“, какъ на древнѣйшій христіанскій источникъ: см. легенду о Фурзеѣ у *Wright'a*, въ цитов. сочин. стр. 7 и сл., такъ же *Wright and Halliwell, Reliquiae Antiquae*, tom. I, pag. 276—282.

рабстанную мифологию (какова германо-скандинавская), въ которой разнаго рода представленія и мѣны относительно загробнаго существованія человѣка занимаютъ видное и весьма широкое мѣсто. Народная пѣсня (пѣсни германскихъ скальдовъ или ирландскихъ бардовъ) хранила эти представленія, питала ими народное чувство и фантазію и тѣмъ самымъ способствовала ихъ необыкновенной живучести. Христіанство не могло разомъ уничтожить ихъ, вырвать съ корнемъ изъ народнаго міросозерцанія, да оно и не стремилось къ этому или, вѣрнѣе, не всегда противилось имъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже пользовалось ими въ цѣляхъ миссіонерскихъ. Такъ легенда о св. Вольфрамѣ рассказываетъ, что сатана въ образѣ ангела свѣта предсталъ предъ герцогомъ Фризомъ Рутодомъ (Ruthod), который упорно противился принятію христіанства (въ началѣ VIII вѣка), и показалъ ему во всемъ блескѣ царство блаженныхъ, обѣщая отдать ему это царство, если только онъ не покинетъ вѣру своихъ отцовъ, — но это былъ адъ, представленный съ тѣми самыми чертами, въ какихъ изображается въ германской мифологіи Walhala, германо-скандинавскій рай, назначенный для принятія героевъ и великихъ полководцевъ, послѣ ихъ смерти ¹⁾. И вотъ, такимъ образомъ, старый языческій рай, со всеми его прелестями, для христіанскаго миссіонера—адъ со всеми его соблазнами на землѣ и со всеми ужасами за гробомъ... При такомъ отношеніи къ старымъ поэтическимъ-мифологическимъ представленіямъ, послѣднія очень легко попадали въ разнаго рода произведенія чисто христіанской поэзіи и сообщали имъ особую, своеобразную окраску. Фактовъ этого рода западно-европейскія литературы представляютъ большое число, но мы укажемъ только нѣкоторые. Такъ напр., англо-саксонскій поэтъ Кэдмонъ (ум. въ 680 г.) въ поэмѣ „о Созданіи міра“ ²⁾ описываетъ адъ, какъ огненную пропасть, лишен-

¹⁾ Mabillon, Acta Sanct. Ord. Ben. t. I. pag. 385; ср. Ozanam, Etudes germaniques, въ его Oeuvres complètes, tom. III, pag. 416.

²⁾ Текстъ-оригиналъ и нѣмецкій перев. см. у Grein'a, въ его сборникахъ англосаксонской поэзіи, указанныхъ выше.

ную свѣта — „наполненную огнемъ и мракомъ, всеистребляющимъ жаромъ и вселеденяющимъ холодомъ“. Въ другой поэмѣ того же Кэдмона — „Христосъ и сатана“, составленной подъ вліяніемъ „Никодимовскаго Евангелія“ ¹⁾, сатана воспоминаетъ о своемъ прежнемъ величіи „въ обители радостей, прекрасной и блестящей, и сравниваетъ съ нею свое теперешнее положеніе, свое пребываніе „во дворѣ змѣй“ (schlangenhofe), „среди ехиднъ и василисковъ“ (Ottern und Nattern), въ вѣчной тьмѣ, среди вѣчнаго шума и смятенія. Драконы и другія чудовища страшнаго, исполинскаго вида охраняютъ доступъ въ его жилище ²⁾. Всѣ эти черты, какими здѣсь изображенъ адъ, весьма живо напоминаютъ германо-скандинавскій Niflheim—адъ, какъ онъ былъ изображаемъ въ мифологіи германо-скандинавскаго Сѣвера ³⁾, и въ другомъ стихотвореніи того же Кэдмона „о Юдиѣ“ говорится, что когда Юдиѣ отрубила голову Олоферну, то онъ прямо низшолъ въ Niflheim ⁴⁾,— слово Niflheim, кромѣ того, часто многими изъ нѣмецкихъ и англосаксонскихъ церковныхъ писателей употреблялось для названія ада ⁵⁾. Проникновеніе или окраска христіанскихъ представленій въ языческій цвѣтъ сравнительно очень долго держались на Западѣ ⁶⁾ и

¹⁾ На англосаксонскомъ языкѣ было еще особое стихотвореніе «О сошествіи Христа въ адъ» — также на основаніи Никодимовскаго Евангелія; см. Grein, Dichtungen d. Angelsachsen, т. I, стр. 191—195.

²⁾ Grein, Dichtungen d. Angelsachsen, Bd. I st. 129—148. Замѣтимъ мимоходомъ, что Милтонъ былъ знакомъ съ библейскимъ парафразомъ Кэдмона и чтеніемъ его, какъ говорятъ, былъ наведенъ на мысль къ созданію своей поэмы «Потерянный Рай».

³⁾ Grimm, Deutsche Mythologie, Bd. II, s. 760; Simrok, Handbuch d. deutschen Mythologie, стр. 141; Wiborg, Die Mythologie d. Norden, 1847 г. стр. 230. Ср. соотвѣст. отдѣлы у Алжера, Менцеля, Ed. Spiess'a: Entwicklungsgeschichte d. Vorstel. von Zustande nach dem Tode (1877 г.), гл. 14 и др.

⁴⁾ Grein, Dichtungen d. Angelsachs. Bd. I стр. 126—127.

⁵⁾ Thrope, Homilies of the Anglosaxon Church, I стр. 8; ср. Hammerich, Alteste Christl. Epik, стр. 72.

⁶⁾ Эту черту можно прослѣдить по многимъ средневѣковымъ литературнымъ произведеніямъ, но особенно она замѣтна (по отношенію къ занимающему насъ вопросу) въ нѣмецкихъ такъ называемыхъ Muspilli—небольшихъ поэтическихъ

несколько не смущали даже таких набожных людей, как напр. знаменитая шведская монахиня св. Бригитта (род. въ 1303 г.): въ ея знаменитыхъ „Видѣнiяхъ“ снова встрѣчаются такіе же точно „древне-скандинавскіе отголоски“, какъ и въ указанныхъ произведенiяхъ англо-саксонскаго поэта VII вѣка и у многихъ другихъ западныхъ писателей ¹⁾). Иногда происходило даже полное смѣшеніе языческихъ эсхатологическихъ представленiй съ христіанскими вѣрованiями и легенда почти совсѣмъ утрачивала свой христіанскій характеръ. Такова знаменитая „Пѣснь солнцу — Solar-lioth“, составляющая прибавленіе къ „Старшей Эддѣ“ (Saemund'a Sigfusson'a, жив. въ XI—XII в.), древне-скандинавской поэмѣ, какъ извѣстно, составленной подѣ сильнымъ вліяніемъ христіанскими понятiй ²⁾). Въ „Solar-lioth“ описывается явленіе умершаго отца сыну во снѣ, подробно говорится о воздаянiяхъ грѣшнымъ и праведнымъ, описываются тартарь, сатана и его жилище—и на ряду съ этимъ, съ самаго же начала упоминаются „врата Гелы“, ведущія въ загробный міръ, адскія рѣки (Gjallar Straumar) и мостъ переброшенный чрезъ нихъ, говорится о Норнахъ и ихъ судѣ, о „дочеряхъ Njörd'ы“ и т. д. ³⁾). Конечно, въ произведенiяхъ, подобныхъ „Solar-lioth“, нельзя сказать, насколько въ нихъ отразилось вліяніе церковной легенды и даже было ли таковое, такъ какъ старое сѣверное язычество имѣло

произведенiяхъ, посвященныхъ изображенію послѣднихъ судебъ міра — см. Karl Gœdeke, *Deutsche Dichtung im Mittelalter*, стр. 19, 22; Simrok, *Handbuch d. deutsch. Mythol.* стр. 129—134 (3 изд.).

¹⁾ Acta Sanct. Octob. IV; см. Gammerich, *St. Brigitta* (нѣмец. пер. сочиненiя шведскаго ученаго Michelsen'a), стр. 16, 21—28; 75—87.

²⁾ Wright, *S. Patriks Purgatory*, Appendix, pag. 177—182 (оригин. текстъ и англ. переводъ); франц. пер.: *Solar-lioth. Les Chantes de Sól. Poëme tiré de l'Edda* и пр. par Bergmann, Stuttg. 1858.—*Solar-lioth* и до сихъ поръ извѣстна въ числѣ народныхъ пѣсень въ Норвегii и Давii. См. Hammerich, въ указ. сочин.

³⁾ Ср. также у Wright'a, *St. Patriks Purgatory*, pag. 85—86, англійскую балладу изъ рукописей XIV—XV в.—о юношѣ, посѣтившемъ своего отца въ загробныхъ областяхъ, которыя въ балладѣ описываются какъ старинная кельтическая fairy-land (страна фей),—стр. 87—89 изъ той же рукописи баллад „Thomas and the Elf-Queen...“ и др.

много своихъ легендъ-видѣній, — тѣмъ не менѣе, для исторіи вѣрованій въ загробную жизнь, на-сколько они разработаны средне-вѣковой легендой, остается весьма характернымъ явленіемъ это переплетеніе христіанскихъ понятій съ древне-языческими, какое замѣчается въ „Solar-lioth“. Оно обозначаетъ собою тотъ особый притокъ мифологическихъ данныхъ, который на ряду съ разсмотрѣннымъ выше — древне-классическимъ — опредѣлялъ судьбу этой легенды, а вмѣстѣ съ тѣмъ вносилъ новыя черты въ общую сокровищницу средневѣковой западно-христіанской мифологіи. Но, далѣе, извѣстны и такіе случаи, когда старая языческая легенда или мифъ давали сюжеты или просто передѣлывались въ церковную легенду: тутъ уже отношеніе языческаго къ христіанскому прямое и болѣе очевидное. Таковы — знаменитая легенда о св. Бранданѣ и его спутникахъ и не менѣе знаменитая — о чистилищѣ св. Патрика, разработанная въ цѣломъ рядѣ легендъ, повѣрій, обрядовъ, имѣвшихъ нѣкогда не только народное, но вмѣстѣ и церковное признаніе ¹⁾. Первая изъ этихъ легендъ, при всемъ разнообразіи ея фантастическихъ подробностей, есть очевидная передѣлка, съ привнесеніемъ нѣкоторыхъ христіанскихъ чертъ — передѣлка старой народной пѣсни ирландскихъ бардовъ, которые славились измышленіемъ разнаго рода фантастическихъ путешествій ²⁾; вторая пользуется стариннымъ ирландскимъ повѣрьемъ (имѣвшимъ въ язычествѣ свой смыслъ) о заколдованныхъ (у язычниковъ — священныхъ) пещерахъ и островахъ и создаетъ на основаніи его цѣлую, не менѣе фантастическую исторію, которую вылетаетъ въ жизнеописаніе наиболѣе чтимаго въ Ирландіи святаго и въ такомъ видѣ пускаетъ повѣрье по всему Западу, не только завлекая этимъ любителей душеполез-

¹⁾ Du Méril (Poesie populaire latines antérieures au XII siècle, pag. 147) сообщаетъ «Изъ церковной службы на день св. Патрика» латинскій гимнъ (8 вѣка), въ которомъ Патрикъ воспѣвается какъ святой, которому милостію Божіею — *Dei gratia* — были показаны «*loca purgatoria*».

²⁾ Acta Sanct. t. III, Maii 16; Achille Jubinal, La Légende latine de St. Brandaine. Paris 1836; Migne, Dictionnaire des Légendes du Christianisme, col. 723—725 и др.

наго чтенія (а таковымъ былъ весь средневѣковой Западъ), хроникёровъ и поэтовъ (Матеей Парижскій—въ хроникѣ, Marie de France—въ особой поэмѣ, Кальдеронъ—въ особой драмѣ и др.), но, что гораздо важнѣе, находятъ полное довѣріе къ себѣ и привлекаетъ цѣлыя толпы пилигримовъ въ далекую суровую Ирландію, къ той таинственной пещерѣ въ графствѣ Donegal, въ которую, по легендѣ, спустился св. Патрикъ, апостолъ и просвѣтитель Ирландіи (372—466), и въ которой, какъ сообщала легенда, каждый благочестивый католикъ можетъ лично узрѣть мученія грѣшныхъ въ чистилищѣ, подвергшихся предварительному искусу и выполнивши извѣстнаго рода обряды ¹⁾...

А. Пономаревъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Для исторіи легенды о чистилищѣ св. Патрика см. уже не разъ приведенное нами сочиненіе Wright'a, Saint Patriks Purgatory и пр. Мы надѣемся еще возвратиться къ этой легендѣ въ слѣдующихъ статьяхъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки